

НАУКА БЫЛА ТОЖДЕСТВЕННА ДЛЯ НЕГО С ИСПОЛНЕНИЕМ НРАВСТВЕННОГО ДОЛГА

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА ИМПЕРАТОРСКОЙ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК С.М. СОЛОВЬЁВА

© 2020 г. Л. А. Сидорова

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: lasidorova@rambler.ru

Поступила в редакцию 05.03.2020 г.

После доработки 27.03.2020 г.

Принята к публикации 12.04.2020 г.

Статья посвящена 200-летию со дня рождения выдающегося отечественного историка, профессора, ректора Московского университета, академика Императорской Санкт-Петербургской академии наук Сергея Михайловича Соловьёва (1820–1879). Он создал и опубликовал более 300 различных работ, в том числе главный труд – 29 томов “Истории России с древнейших времён”, выходящих в свет с 1851 по 1879 г. по мере их написания. Опираясь на достижения современной ему европейской и российской философской и исторической науки, на основе обширного фактического материала, среди которого было множество новых источников, С.М. Соловьёв представил многомерную, глубокую и целостную картину исторического пути России. В этом состоял, без преувеличения, научный подвиг историка.

Ключевые слова: С.М. Соловьёв, Московский университет, университетское образование, лекционная деятельность, научно-педагогическая деятельность, идея органического, внутренне обусловленного и поступательно-прогрессивного хода исторического развития народов, проблема государства, народа и личности в истории, государственная школа русской историографии, научное наследие С.М. Соловьёва, концепция русской истории, В.О. Ключевский, М.Н. Покровский, Н.Л. Рубинштейн, В.Е. Иллерицкий, А.Н. Шаханов.

DOI: 10.31857/S0869587320070105

Путь С.М. Соловьёва в российскую науку ничем не отличался, на первый взгляд, от пути большинства его коллег по историческому цеху. Сначала – университет, затем – защита магистерской и докторской диссертаций, преподавательская и исследовательская деятельность. Словом, вполне традиционные вехи карьеры учёного. Отличие

было в другом – в интеллектуальной напряжённости труда Соловьёва с первых же шагов на избранном поприще. Его вступительная лекция в качестве самого молодого адъюнкта Московского университета, в которой было принято ставить вопросы общетеоретического характера, заслужила более чем лестный отзыв Т.Н. Грановского. Признание известного историка говорило о многом: “Все мы вступили на кафедры учениками, а Соловьёв вступил уже мастером своей науки” [1, с. 137].

В 1845 г. Сергей Михайлович защитил магистерскую диссертацию, спустя два года – докторскую. Как писал В.О. Ключевский, “Соловьёв рано стал и до конца жизни оставался учёным” [2, с. 289]. По его же образному выражению, деятельность С.М. Соловьёва “была разделена между архивами, университетской аудиторией и письменным столом его кабинета” [там же].

СИДОРОВА Любовь Алексеевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН.

С.М. Соловьёв

Гравюра Л.А. Серякова и И.И. Матюшина. 1880 г.

Такой быстрый взлёт едва ли можно объяснить благоприятно сложившимися обстоятельствами. За ним стоял каждодневный труд, дисциплина и преданность своему делу, которые в полной мере проявились уже в студенческие годы. Университетские лекции, семинарские занятия, подготовка к ним и неизбежное репетиторство как способ поправить своё более чем скромное материальное положение занимали основную часть его времени. Студент Соловьёв имел высший балл по успеваемости на курсе, не пропускал лекции и всегда их записывал, чем вызывал неподдельное восхищение у прогульщика и второгодника А.А. Фета, будущего поэта [1, с. 153].

В свободные от дел воскресные вечера Соловьёв отправлялся со своей Остоженки в Замоскворечье, где в одном из переулков в небольшом особнячке в узких комнатах-пеналах на антресолях второго этажа проживали его сокурсники — Ап.А. Григорьев и квартировавший у него А.А. Фет. Там собирался кружок университетской молодёжи, который объединял студентов юридического, философского и историко-филологического факультетов. Его душой был уже получивший известность в московском обществе поэт Аполлон Григорьев.

Этот кружок сыграл немалую роль в становлении личности Сергея Михайловича, в выработке его взгляда на историю. Он отразил духовные искания молодёжи, прежде всего философские. На-

ходившаяся в те годы под запретом философия Гегеля составляла, по свидетельствам участников кружка, главный интерес частных бесед студентов [1, с. 146].

Однокашников и историков-современников удивляла и покоряла чрезвычайная начитанность Соловьёва. Первоначально он был всеяден. Но уже на старших курсах университета его чтение приобрело систематический характер, формировались и исследовательские приоритеты — интерес к общим проблемам исторической науки, стремление постичь законы, которыми определялись судьбы человечества, выявить особенности и механизмы их действия в истории восточного славянства.

Заметную роль в профессиональном становлении Сергея Михайловича сыграла поездка за границу (1842—1844) в качестве домашнего учителя в семье брата графа С.Г. Строганова, попечителя Московского учебного округа. Этот заграничный вояж, оказавшийся выходом из весьма сложной коллизии с оставлением Соловьёва при университете “для подготовки к профессорскому званию”, в которой тот оказался по окончании Московского университета, несмотря на то, что у него были самые высокие выпускные баллы на курсе, стал временем его знакомства с европейской наукой и культурой. Он побывал в Берлине, Лейпциге, Дрездене, Париже, Праге. При этом большую часть времени провёл в Париже.

За границей Сергей Михайлович просыпался по-московски рано, в восемь пил молоко, так как хорошего чая там не нашёл, а кофе не пил, в полдень завтракал. После домашних уроков, которые обычно занимали около трёх часов, посещал лекции в университете или Королевскую библиотеку. Свободно владея французским и немецким языками, сносно зная английский, итальянский, чешский, польский, древнегреческий и латынь, он знакомился с новейшими европейскими достижениями в области гуманитарной мысли. В первую парижскую зиму слушал лекции Э. Кинэ, Ж. Мишле, Л. Ботэна и других профессоров, “больше, чем когда-либо в Москве” [1, с. 182]. В воскресенье утром Сергей Михайлович шёл к обедне в русскую церковь на Елисейских полях, затем в Лувр. Вечером облачался в недавно сшитый сюртук и отправлялся в театр, чаще всего в итальянскую оперу [там же, с. 181].

Живо интересовали Соловьёва не только европейские библиотеки, музеи, театры, архитектура. В письме родителям он писал: “Для меня, как для историка, нужен не город, не камни, а народ и его жизнь политическая” [там же, с. 187]. Изучение природы различных стран Европы, обычаев и нравов их народов, хозяйственной и общественной жизни подвели молодого историка к мысли о воздействии условий проживания на историче-

ские судьбы народов и во многом изменили его воззрения на российскую действительность.

Осенью 1844 г. С.М. Соловьёв вернулся в Россию, и ещё через год начал читать курс лекций русской истории в Московском университете. “Это был учёный со строгой, хорошо воспитанной мыслью”, — писал о своём учителе В.О. Ключевский [2, с. 290]. Он подчеркнул главную особенность научно-преподавательского почерка Сергея Михайловича — “умение рассматривать исторические явления данного места и времени независимо от временных и местных увлечений и пристрастий” [там же, с. 291].

Учёный отстаивал идею органического, внутренне обусловленного и поступательно-прогрессивного хода исторического развития всех народов, в основе которой лежала усвоенная ещё в студенческие годы диалектика Гегеля. Он различал два этапа в истории каждого народа, ассоциируя первый из них с юностью, второй — со зрелостью, а высшей формой исторического развития считал государственный строй. Особый акцент С.М. Соловьёв делал на факторе природной среды в его взаимосвязи с ментальностью народа и внешними событиями, а также влияниями на исторические судьбы народов.

Центральное место в его творчестве заняла проблема государства, народа и личности в истории. Государство выступало как цель и смысл общественного развития, выразитель всех проявлений народной жизни, как высшее назначение народа и его историческое призвание.

Сергей Михайлович стал ярчайшим представителем государственной школы русской историографии. Д.И. Иловайский вспоминал: “Он был решительный государственный. Сколько мне известно из его сочинений и устного обмена мыслей, вне государственного быта он не признавал исторической жизни и национального развития... Сергей Михайлович не делал никаких уступок по этой части” [3, с. 339, 340].

Все историки — современники Соловьёва единодушно отмечали, что высказанные им идеи, введённый фактический материал во многом определили характер развития исторической науки России второй половины XIX — начала XX вв. В статье, посвящённой памяти учёного, В.О. Ключевский подчеркнул, что “с 1845 года, когда появилось его первое исследование по русской истории, и до последней строки, им написанной незадолго до смерти, он работал в одном направлении, которое прямо или косвенно отразилось на ходе всей русской исторической литературы” [2, с. 289]. Определяя значение трудов С.М. Соловьёва, К.Д. Кавелин утверждал, что хаос, господствовавший в русской исторической науке первой половины XIX в., уступил место стройной системе взглядов на общественный

процесс, основанной на идеях органического, поступательного, исключая резкие скачки развития [1, с. 205].

Раскрывая научные заслуги историка, В.И. Герье выделил ещё одну сторону творчества Сергея Михайловича: прочные нравственные основания, характеризующие его научный метод. “Призвание историка, — писал Герье, — совпадало, по его убеждению, с служением *правде*, правде, неукрашающей и нельстящей ни лицам и народам, ни интересам и мнениям. Он понимал науку в самом высоком её смысле: она была тождественна для него с исполнением нравственного долга” [4, с. 329].

Методологическая новизна научных построений Соловьёва сразу же обратила на себя внимание историков. С середины XIX в. за концепцией, которую он отстаивал по линии исторической, а его единомышленники — историки права К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, В.И. Сергеевич и др. — по линии юридической, утвердилось название “историко-юридическая школа” [1, с. 203].

О научном авторитете С.М. Соловьёва, востребованности его сочинений можно судить даже по такому ещё не использовавшемуся в XIX—XX вв. в России, но тем не менее объективно существовавшему показателю, как цитируемость. Для примера достаточно взять фундаментальный и авторитетный труд “Опыт русской историографии” В.С. Иконникова, обобщивший результаты отечественной исторической науки, достигнутые к началу XX в. [5, с. 64]. Указатель личных имён, завершающий издание, наглядно демонстрирует это обстоятельство. Количество ссылок на работы Соловьёва сопоставимо только со ссылками на труды Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова и других выдающихся отечественных историков.

Революционные события 1917 г. в России, положившие начало разделению отечественных историков на “старую” и “красную” профессию, а самой исторической науки на буржуазную — объективистскую и пролетарскую — марксистскую, в определённой мере сказались на отношении к научному наследию Сергея Михайловича.

Хотя, надо сказать, и трудам историка, и ему самому было отведено особое место в ряду до-марксистской исторической литературы. Заслуги Соловьёва как историка публично признавал лидер советских историков-марксистов М.Н. Покровский. В мае 1923 г., читая лекции перед слушателями Коммунистического университета им. Г. Зиновьева, он достаточно подробно остановился на характеристике научного наследия С.М. Соловьёва. Лекции Покровского имели двоякую цель. Во-первых, в них ставилась задача ознакомить студентов новых комвузов и факуль-

тетов общественных наук старых университетов с отечественной историографией. Во-вторых, они должны были предостеречь пролетарское студенчество “от образчиков известной идеологии” [6, с. 9]. К последним лидер советских историков-марксистов причислил труды Н.М. Карамзина, К.Д. Кавелина, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, А.С. Лаппо-Данилевского и других учёных, не скупясь в изложении их исторических взглядов на подчас уничижительные характеристики. Однако Соловьёв, находившийся в этом ряду, занял в нём особое место и был назван Покровским “величайшим русским историком XIX столетия” [там же].

Чертой, выделявшей его среди русских учёных, занимавшихся отечественной историей, он считал “громадную историческую образованность”. Нигилистически отзываясь о профессорах русской истории, упрекая их в изолированности от европейской науки – “русские историки в истории других стран обыкновенно большие невежды” [там же, с. 59], – Покровский противопоставил им С.М. Соловьёва, который “был в курсе всего, что писалось по истории на всех языках” [там же, с. 60]. Не останавливаясь на отношении Михаила Николаевича к русским историкам – современникам и младшим коллегам Соловьёва, следует констатировать, что в оценке самого учёного он был, безусловно, прав.

Обособив его от прочих буржуазных историков, Покровский подвёл под своё решение методологическое основание. Он предпринял попытку вписать научное наследие С.М. Соловьёва в контекст марксистского прочтения истории. Для этого использовал следующий посыл: “Как в конце XVIII и в начале XIX века каждый умный человек был по природе якобинцем, так во второй половине XIX века каждый умный человек по природе немножко марксист, сознаёт он это или нет” [там же].

Поясняя свой тезис слушателям, М.Н. Покровский говорил: «Мы встречаем у Соловьёва ряд таких объяснений русской истории, которые очень напоминают, по крайней мере, “экономический” материализм» [там же]. Под высказанные Сергеем Михайловичем мысли о значении речных путей в русской истории, их роли в собирании русской территории, в возникновении Москвы и возвышении Московского княжества оставалось, по Покровскому, “только подвести... настоящий экономический базис” [там же].

Таким образом, в научном наследии С.М. Соловьёва Михаил Николаевич видел всё-таки “буржуазный, но своеобразный” подход к русской истории, обнаруживая в самом историке “инстинктивного, бессознательного марксиста” [там же, с. 62]. Такое “своеобразие”, считал Покровский, дистанцировало Соловьёва от других

буржуазных историков, служило основанием для более активного обращения к его историческим трудам.

Однако уже со второй половины 1920-х годов положение дел начало меняться. Становление и укрепление советской марксистской исторической науки должно было, по мнению Покровского, обесценить научное наследие С.М. Соловьёва. Эти ожидания и расчёты находились в русле общей политики развития исторической науки и высшего образования в стране победившей пролетарской революции.

Историческое образование подлежало кардинальной перестройке. Нарком просвещения А.В. Луначарский, выступая в сентябре 1918 г. перед слушателями Педагогических курсов в Петрограде, буржуазной системе преподавания истории противопоставил новую, коммунистическую [7]. Развенчивая “старую школу”, он сослался на тезис Ф. Ницше, в котором философ утверждал, что человек “так парализован” историческим сознанием, что “не обладает революционной отвагой в деле строительства” [там же, с. 3].

Разделяя положение Г. Гегеля о прогрессе человечества и его объективности, которое в трудах Соловьёва стало одним из ключевых методологических положений, Луначарский задался вопросом: “Поскольку мы приучаем человека мыслить исторически, даём ему очень большое количество знаний о человеческом прошлом, да ещё к тому же внушаем ему мысль о закономерности развития, – не делаем ли мы его рабом этого прошлого?” [там же, с. 4]. По мнению наркома, назрело требование отмены “старой школы”, в которой преподавалась “мёртвая история” [там же, с. 5]. При таком угле зрения наследие Сергея Михайловича также подпадало под ярлык “мёртвой истории”.

Самые рьяные критики Соловьёва обнаружили между тем в рядах молодых историков-марксистов – слушателей Института красной профессуры, причём многие из них вышли из семинара Покровского. Так, в сборнике их статей, озаглавленном “Русская историческая литература в классовом освещении”, который был издан в 1927 г. под редакцией М.Н. Покровского, присутствовала статья З. Лозинского “Историк великодержавной России”. В ней автор предпринял попытку доказать, что Соловьёв смотрел на процесс образования Русского государства глазами “националиста-великоросса” [8, с. 243].

Сборнику была предпослана вступительная статья Покровского, который в условиях становившегося всё более очевидным грядущего перелома в развитии отечественной историографии 1928 г. [9] занял более жёсткую позицию по отношению к научному наследию С.М. Соловьёва, чем та, которую он демонстрировал в начале

1920-х годов. Он предрёк, что “лет через пятнадцать-двадцать читать Соловьёва и Ключевского перестанут, как теперь никто не читает уже Карамзина” [8, с. 8].

Прогноз главы историков-марксистов, казалось бы, начинал сбываться. Критика отдельных сторон исторической концепции Сергея Михайловича молодыми “красными” профессорами становилась всё более резкой. Главная мишень — национальный вопрос в России в представлениях историка. Например, С.А. Пионтковский в книге “Буржуазная историческая наука в России”, изданной в 1931 г., утверждал, что “Соловьёв и Чичерин и их ученики вплоть до Ключевского стояли на великорусско-буржуазных национал-шовинистических позициях” [10, с. 19], хотя и признавал значение научного вклада С.М. Соловьёва и Б.Н. Чичерина для 1850-х годов [там же, с. 21].

И всё же этот вывод М.Н. Покровского оказался преждевременным. Смена идеологических вех, начавшаяся с середины 1930-х годов с критики школы самого Покровского, нашла своё отражение в принятии 16 мая 1934 г. Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР “О преподавании гражданской истории в школах СССР”. Провозглашённые в этом документе отказ от социологизирования и переход к изучению гражданской истории, взятый курс на преодоление нигилистического отношения к ней, прежде всего к её дореволюционному этапу, стал активно проводиться в научно-преподавательской деятельности советских историков.

Уже со второй половины 1930-х годов наследие русских историков-классиков, и прежде всего С.М. Соловьёва, прочно вошло в научно-образовательный процесс, хотя и с известными классовыми оговорками. Более того, в промежуток времени между развенчанием наследия Покровского и созданием новых марксистских учебных курсов именно по “Истории России с древнейших времён” Соловьёва студенты и аспиранты исторических факультетов вузов изучали отечественную историю.

В 1941 г. была издана “Русская историография” Н.Л. Рубинштейна, которая на годы вперёд определила отношение советской исторической науки к научному наследию Сергея Михайловича. Творчеству историка посвящалась 19-я глава. В ней автор оценил роль С.М. Соловьёва в предшествующей историографии и показал процесс формирования его исторических воззрений и мировоззрения. Особое внимание уделялось анализу его теории органического развития и концепции государственной школы. Рубинштейн подробно остановился на предложенной Соловьёвым периодизации русской истории, изложенной в Предисловии к первому тому “Исто-

рии России...”, теории родового быта, его трактовке истории Северо-Восточной Руси и петровских преобразований.

Н.Л. Рубинштейн стремился абсолютизировать особенное в исторической концепции С.М. Соловьёва, выделить историка из государственной школы. А.Н. Шаханов, представитель современной историографии, высказал достаточно аргументированное предположение, что Николай Леонидович «в своё время намеренно отделил имя Соловьёва от “скомпрометировавших” себя в борьбе против революционной демократии К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина». Тем самым, полагает Шаханов, он “как бы получал индульгенцию на право углублённого изучения творчества своего предшественника, в пользу чего говорит тот факт, что в неопубликованном курсе лекций Н.Л. Рубинштейна 1937–1938 гг. в ИФЛИ анализ научного наследия всех трёх учёных-государственников осуществлялся в рамках одной школы” [1, с. 208].

Предложенный в “Русской историографии” подход возвращает нас к позиции М.Н. Покровского начала 1920-х годов. “Правильная оценка исторического значения работ Соловьёва требует как раз выяснения особенностей взглядов Соловьёва, отделяющих его от государственной школы”, — писал Н.Л. Рубинштейн. Следующая фраза — “Отождествление с последней [государственной школой] только заслонило от последующих историков его наиболее прогрессивные и ценные стороны” [11, с. 314] — введена, полагаю, для извинения суждений наиболее рьяных марксистских критиков Соловьёва. Попутно заметим, что в списке основной историографической литературы, который был предпослан Рубинштейном главе о С.М. Соловьёве, таковые статьи не присутствуют.

Конечно, в “Русской историографии” уже нет попыток открыть в историке “бессознательного” марксиста, чтобы актуализировать научный авторитет его концепции русской истории. Согласно Рубинштейну, “сила Соловьёва была в том, что теория органического развития, историзм, всё-таки брали в нём верх над условной схемой государственной теории”. “Произведения Соловьёва сохраняют значение именно своим историзмом”, — писал он, однако далее сделал ряд оговорок [там же, с. 342].

Раскрывая понятие историзма, Николай Леонидович привёл ссылку на “Философские тетради” В.И. Ленина. «Рассмотрение исторической действительности во всей её конкретности, основанное на исключительном чувстве живой исторической действительности, “живая жизнь”», — процитировал он Ленина в заключительной части главы о Соловьёве и далее связал возможность “полного обоснования и раскрытия” историзма с

“твёрдым основанием научной методологии исторического материализма” [там же].

Тем не менее историзм научного наследия Сергея Михайловича, пусть и “неполный”, был оценён Рубинштейном чрезвычайно высоко. “В рамках буржуазной исторической науки Соловьёв ближе всех подошёл к его реализации на всём протяжении изученного им периода. В таких крупнейших исторических вопросах, как история возвышения Москвы, как утверждение самодержавия при Иване IV, как преобразовательная деятельность Петра I, — труд Соловьёва является в известной мере последним словом буржуазной исторической науки” [там же].

Историзм создателя многоотомной “Истории России...” Николай Леонидович видел также во включении им в научный оборот огромного “научно проверенного исторического материала”, который прочно вошёл в практику исследователей. Одновременно он выступил против одностороннего представления о Сергее Михайловиче как преимущественно фактологе. “Нельзя же серьёзно противопоставлять в Соловьёве историка-собираателя историку-учёному”, — подвёл итог Рубинштейн [там же]. Этот вывод исследователя, бесспорно справедливый по сути, как нельзя более соответствовал возникшему в конце 1930-х годов в советской исторической науке интересу к эмпирической составляющей труда историка.

Несколько отклоняясь от основной линии повествования, нельзя не сказать, что на примере научного творчества С.М. Соловьёва Рубинштейн затронул важнейшую для историков проблему соотношения теории и факта в исследовании. Его заключение отразило историографическую ситуацию тех лет, в которой продолжали сосуществовать и противостоять друг другу, хотя и не в столь резкой форме, как на рубеже 1920–1930-х годов, два подхода к названной проблеме. Молодые историки-марксисты отстаивали приоритет теоретических построений, историки “старой” школы — фактов.

Как нельзя более точно описывает это состояние советской исторической науки довольно краткое, но чрезвычайно ёмкое и запоминающееся свидетельство М.А. Алпатова, относящееся как раз ко времени появления “Русской историографии”. “Я вспоминаю, — говорил он, — что когда Р.Ю. Виппер в 1941 году вернулся в Москву¹, я у него оказался единственным курируемым. Он начал меня допрашивать, входить в обстановку, выяснять, что представляет собой современный молодой человек. Он говорил, я знаю старого студента, а советского студента не знаю. Он говорил, как старается подойти к марксизму, и всё тужил: у

студента получается, а у меня, профессора, ни черта не получается. Правда, студенту ничего не мешает, он мало знает, ему схему строить легко, мне труднее, но это люди, для которых история не то, что была для нас в своё время — мешок с фактами” [12, с. 173]. В таких условиях вывод Н.Л. Рубинштейна о С.М. Соловьёве, который как учёный не только собрал исторические факты, но и предложил их интерпретацию, хотя и не марксистскую, был важен для преодоления одностороннего восприятия его творчества молодой генерацией историков России.

Научное наследие Сергея Михайловича не стало предметом критики в ходе борьбы с буржуазным объективизмом на рубеже 1940–1950-х годов, как это случилось, например, с трудами А.С. Лаппо-Данилевского или А.Е. Преснякова [13, 14]. Этому немало способствовала, конечно, национально-государственная направленность трудов историка.

Надо сказать, что и оттепель в советской исторической науке как начавшийся процесс её десталинизации не внесла серьёзных изменений в трактовку значения исторической концепции С.М. Соловьёва. В этом отношении наиболее показательным является осуществлённое в тот период фундаментальное историографическое издание, которое было призвано по-новому осветить путь, пройденный отечественной исторической наукой к середине XX в., — “Очерки истории исторической науки в СССР” [15].

В первом томе “Очерков” (1955) автором раздела, посвящённого С.М. Соловьёву, вновь выступил Н.Л. Рубинштейн [16]. В нём он в основных чертах повторил свои оценки наследия Сергея Михайловича, данные прежде в “Русской историографии”. Характеризуя историка как “наиболее выдающегося представителя русской буржуазной исторической науки периода её подъёма”, Рубинштейн подкрепил свой вывод ссылкой на высказывание Н.Г. Чернышевского о том, что в лице С.М. Соловьёва “мы встречаем строго учёный взгляд новой исторической школы”, противостоящей истории Н.М. Карамзина, а также “скептической школе” и Н.А. Полевому [там же, с. 347, 348]. Одновременно Рубинштейн отметил буржуазную ограниченность построений Соловьёва, особенно в пореформенный период, противопоставив концепцию историка революционно-демократическому направлению [там же, с. 348]. Почти дословно Николай Леонидович воспроизвёл данную им в “Русской историографии” оценку историзма трудов учёного [там же, с. 365]. Изменения коснулись вопроса об общности взглядов Сергея Михайловича и историков государственной школы в целом. Рубинштейн ещё в большей степени обособил его представле-

¹ В 1924 г. Р.Ю. Виппер эмигрировал в Латвию, где до 1941 г. был профессором университета в Риге.

ния об истории от взглядов К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина.

Если в “Русской историографии” С.М. Соловьёв был назван в числе трёх крупнейших представителей государственной школы на первом этапе её деятельности [11, с. 291], то в “Очерках” Николай Леонидович в этой связи лишь единожды упомянул его имя, и вот в каком контексте: «Первая работа Кавелина “Взгляд на юридический быт древней России” появилась в 1846 г. одновременно с первыми работами Соловьёва и в ряде положений близко примыкала к исторической концепции последнего» [16, с. 346].

Сопоставляя взгляды С.М. Соловьёва, К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина и даже отмечая совпадения, Рубинштейн всё же отделял их друг от друга. Например, говоря о самодовлеющем характере государства, растворении истории народа в истории государства, он ограничивался фразой, что «такие утверждения Соловьёва характерны и для “государственной школы” Кавелина и Чичерина» [там же, с. 364], тем самым как бы выводя историка за её рамки.

Такое подчёркнутое дистанцирование исторической концепции С.М. Соловьёва можно рассматривать как определённую реакцию на усиление в советской исторической науке негативного отношения к государственной школе русской истории. Посвящённый ей раздел был озаглавлен в “Очерках” как “Так называемое государственное направление в русской историографии”.

Любопытно заметить, что во втором томе “Очерков”, изданном в 1960 г., тенденция противопоставить Сергея Михайловича прочим историкам второй половины XIX в. привела даже к некоторым натяжкам. Рассматривая содержание написанной С.М. Соловьёвым “Учебной книги по русской истории”, которая была достаточно популярна и выдержала в дореволюционный период 13 изданий, В.Е. Иллерицкий утверждал, что в качестве автора гимназических учебников либерал Соловьёв был вынужден подчиняться требованиям официальных программ и излагать историю России с позиции охранителей [17, с. 102]. Тезис о “вынужденности” транслировавшихся в данном учебном пособии представлений об истории России также полностью согласуется со стремлением выделить Сергея Михайловича из числа историков государственной школы. Это обособление тем не менее предпринималось при сохранении ряда оговорок, которые его в значительной степени нивелировали. “Хотя в воззрениях Соловьёва было много черт, сближавших его с государственниками, он всё же занимал особое место в государственной школе”, — писал В.Е. Иллерицкий о научной позиции историка [там же, с. 121].

Далее указывалось на характерные для С.М. Соловьёва-историка черты: “признание исторического процесса закономерным, внутренне обусловленным, тяготение к конкретному материалу, часто не укладывавшемуся в абстрактные формулы государственной школы”. Исходя из этого, Иллерицкий делал вывод, что “его работы в меньшей мере носили на себе отпечаток той формально-юридической трактовки исторических проблем, который так отчётлив в сочинениях историков-юристов Чичерина и Кавелина”. Однако, завершая раздел, посвящённый государственной школе, Иллерицкий сделал окончательное заключение: “Особенности взглядов Соловьёва не дают всё же оснований для выделения его из государственной школы. Они имеют второстепенное значение” [там же, с. 121].

Оценки научного наследия Сергея Михайловича, его места в отечественной исторической науке, данные Н.Л. Рубинштейном в “Русской историографии” и первом томе “Очерков” и В.Е. Иллерицким — во втором, были восприняты многими отечественными исследователями и транслировались ими в дальнейшем. Среди них — Л.В. Черепнин, С.С. Дмитриев, А.М. Сахаров, которые абсолютизировали особенное в научной концепции историка, подчёркивали её самостоятельное место в русской либеральной историографии [1, с. 208].

Вместе с тем ряд не менее авторитетных историков — М.В. Нечкина, А.Н. Цамутали, Н.И. Цимбаев, В.И. Дурновцев и другие — справедливо полагали, что преувеличивать расхождение С.М. Соловьёва с Б.Н. Чичериным, а особенно с К.Д. Кавелиным, нет оснований [там же, с. 209]. Вопрос о принадлежности учёного к государственной школе русской историографии оставался в советской историографии дискуссионным, хотя большинство советских исследователей, писал впоследствии В.Е. Иллерицкий в посвящённой историку монографии, относили его к государственникам, отмечая и черты своеобразия воззрений С.М. Соловьёва, и его особое место в этой школе [18, с. 174, 175]. Однако обе группы историков были едины в высокой оценке его трудов [19–24].

Интерес к работам С.М. Соловьёва, их востребованность в исследовательской и преподавательской деятельности проявился в публикации “Истории России с древнейших времён”, осуществлённой в 1959–1966 гг. [25]. Произведения учёного составили важнейшую часть научного фундамента, на котором формировалось послевоенное поколение советских историков, впитывая опыт своих выдающихся предшественников.

Обращение к трудам классиков дореволюционной исторической науки способствовало преодолению значительного перекоса в историче-

ском образовании и исследовательской деятельности 1920-х–1930-х годов, который проявился в преимущественном изучении революционных событий новейшей истории в ущерб другим темам и эпохам.

Академик А.М. Панкратова вспоминала, как они, “ученики Покровского, в течение многих лет изучали не весь ход исторического развития, а те эпохи, которые... считали наиболее актуальными: революции 1905 г., 1917 г., историю гражданской войны и т.п.” [26, с. 208]. Последствия не заставили себя ждать: «вырастали и выходили из ИКП люди, не знавшие фактов, не изучавшие фактической истории в целом. Наш ИКП нередко выпускал таких историков, которые приезжали в провинцию, им нужно было читать исторический курс, и они не могли читать его, т.к. истории они не знали, цельного исторического мировоззрения не выработали, зная отдельные “кусочки истории”» [там же].

Изучение научного наследия С.М. Соловьёва способствовало формированию общего взгляда на исторический процесс, освоению массы исторических источников, усилению внимания к историческим фактам, хотя его приёмы отбора и работы с источниками имели свои особенности и уязвимые стороны. Характеризуя методы работы с источниками, Н.И. Цимбаев выделил стремление историка руководствоваться в их отборе полнотой и представительностью и его убеждение в том, что право критиковать источник в равной степени принадлежит и автору, и читателю исторического сочинения [27, с. 273].

Переломный этап в отечественной историографии, произошедший на рубеже XX и XXI вв., ознаменовался, как в годы оттепели, повышенным вниманием к научному наследию историка. В 1988–2000 гг. было предпринято издание “Сочинений” С.М. Соловьёва в 18 томах и XXIII книгах. Богатство источниковой базы его исследований, плодотворность многих предложенных им подходов как нельзя лучше отвечали главному содержанию того этапа – стремлению объективно, без идеологизации, на основе фактов осветить историческое прошлое России.

Пересмотру подлежали и устоявшиеся в советской историографии принципы анализа научных позиций многих русских и советских историков, в которых превалировала социально-политическая составляющая. В издании “Историки России. XVIII–начало XX века”, увидевшем свет в конце 1996 г., была поставлена цель “освободить оценки историков от заданности, идеологизмов и предвзятости” [28, с. 4, 5]. В этом ключе написан очерк А.Н. Цамутали о Соловьёве, где автор, отказавшись от идеологической характеристики творчества историка, сосредоточил внимание на

неугасающем профессиональном и общественном интересе к его идеям.

Возвращение к творческому наследию Сергея Михайловича в целом воспринималось как залог дальнейшего поступательного развития отечественной исторической науки. В послесловии А.Л. Юрганова к дополнительной, XX книге “Сочинений” С.М. Соловьёва, опубликованной в том же 1996 г., было сказано, что учёный “впервые научно, всесторонне обосновал” историю России, “создал современную проблематику исторической науки, определив целые направления её развития” [29, с. 558].

Центральное место в предложенном в конце прошлого века взгляде на вклад великого русского историка в отечественную историографию и культуру России в целом занимало положение о цивилизационном подходе к изучению истории. В упомянутой работе Юрганов высказал мысль о том, что “С.М. Соловьёв впервые в русской исторической науке выработал цивилизационный подход, с помощью которого он смог отличить русскую историю от западноевропейской и одновременно включить её в мировой исторический процесс” [там же, с. 557]. Эти слова в тексте послесловия были напечатаны курсивом. Вывод А.Л. Юрганова был поддержан М.Ю. Лачаевой, которая включила его раздел о Соловьёве в учебник для вузов “Историография истории России до 1917 года” [30, с. 341].

Большое значение С.М. Соловьёву и его роли в отечественной историографии уделено в монографии А.Н. Шаханова “Русская историческая наука второй половины XIX–начала XX века: Московский и Петербургский университеты” [31]. Исключительное место, которое занимает творческое наследие учёного в исторической науке России, автор объясняет рядом причин. Оно логически развивало и завершало существовавшую со времён летописания государственническую и московцентристскую традицию освещения российского исторического процесса, заключало в себе основное содержание гегельянского периода русской историографии, пришедшегося на третью четверть XIX в.

Соловьёву, считает исследователь, удалось на основе новой методологии воссоздать целостную картину генезиса общественных отношений восточного славянства с IX по XIX в. Содержавшиеся в его философии истории элементы позитивизма обусловили постановку историком ряда проблем социально-экономических отношений, роли географического и других факторов, которые стали центром исследовательских интересов историков последующих поколений. Труды Сергея Михайловича, заключил Шаханов, подготовили почву для современной интерпретации многих проблем истории России [31, с. 12].

Всё это вместе взятое свидетельствует о непреходящем научном и общественном значении сочинений С.М. Соловьёва, его “Истории России с древнейших времён”, которые стали неотъемлемой частью отечественной культуры. Ученики и младшие коллеги по историческому цеху прямо называли великого историка “одним из основоположников современной русской исторической науки” [32, с. 303].

Оценка вклада Сергея Михайловича, данная С.В. Рождественским 100 лет назад, справедлива и сегодня, в год 200-летнего юбилея историка. В каком-то смысле роль Соловьёва в развитии исторической науки России сопоставима со значением А.С. Пушкина в развитии отечественной литературы. Произведения обоих великих мастеров по-прежнему сохраняют свою актуальность и лишены налёта архаики, органически входя в современные пласты науки и культуры России.

Нельзя не согласиться со словами Василия Осиповича Ключевского, который предрёк долгую жизнь научному наследию историка. “Есть и будут десятки трудолюбивых исследователей русского прошедшего, которые останавливаются и будут останавливаться на том или другом факте дольше Соловьёва, изучают и будут изучать то или другое явление подробнее, чем изучал он; но каждый из них, чтобы идти прямо и твёрдо в своей работе, должен начинать с того, чем кончил Соловьёв свою речь о том же, и он, как маяк, ещё долго будет служить первым указателем пути даже для тех, кто далеко разойдётся с ним в своих последних выводах” [2, с. 290].

XXI век существенно расширил проблемное поле исторической науки России, в том числе и самой её истории. Например, методы, которые предлагаются в рамках историко-антропологического и генерационного подходов, интеллектуальной истории, позволяют открыть новые темы в изучении жизни и деятельности российских историков, их научного творчества [33–37]. В этой связи исследование не только научных трудов и деятельности самого Соловьёва, но и внутреннего склада его профессорской семьи, давшей отечественной культуре самобытного и глубокого философа Вл. Соловьёва, автора исторических романов Вс. Соловьёва, открывает новые грани их духовной жизни во взаимосвязи с окружающим их миром. Всё это вместе взятое позволяет лучше понять и оценить величину вклада выдающегося русского историка Сергея Михайловича Соловьёва в развитие науки и культуры России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаханов А.Н. Становление учёного // С.М. Соловьёв. Первые научные труды; Письма. М.: Археологический центр, 1996.
2. Ключевский В.О. С.М. Соловьёв. Некролог // С.М. Соловьёв. Сочинения в 18 томах. Кн. XXIII заключительная. Статьи, выступления, рецензии. Современники о С.М. Соловьёве. М.: Мысль, 2000.
3. Иловыйский Д.И. Памяти С.М. Соловьёва // С.М. Соловьёв. Сочинения в 18 кн. Кн. XXIII заключительная. Статьи, выступления, рецензии. Современники о С.М. Соловьёве. М.: Мысль, 2000.
4. Герье В.И. Сергей Михайлович Соловьёв // С.М. Соловьёв. Сочинения в 18 томах. Кн. XXIII заключительная. Статьи, выступления, рецензии. Современники о С.М. Соловьёве. М.: Мысль, 2000.
5. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т. 2. Кн. II. Киев: Типография Императорского университета св. Владимира, 1908.
6. Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература: лекции, читанные в Коммунистическом университете им. тов. Зиновьева 3–7 мая 1923 г. Петроград: Прибой, 1923.
7. Луначарский А.В. О преподавании истории в коммунистической школе. Лекция, прочитанная на сентябрьских Педагогических курсах в Петербурге, 1918 г. На правах рукописи. Пб.: Отд. подготовки учителей Ком. нар. прос. Союза коммун. Сев. обл., 1918.
8. Русская историческая литература в классовом освещении / Сборник статей под ред. М.Н. Покровского. Т. 1. М.: Изд-во Комакадемии, 1927.
9. О значении 1928 г. в истории советской исторической науки // А.В. Сидоров. Марксистская историографическая мысль 20-х годов. М.: Изд-во “Университетский гуманитарный лицей”, 1998.
10. Пионтковский С.А. Буржуазная историческая наука в России. М.: Молодая гвардия, 1931.
11. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941.
12. Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке: Советская историография первого послевоенного десятилетия. М.: Памятники исторической идеи, 1997.
13. Черепнин Л.В. А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 30–51.
14. Черепнин Л.В. Об исторических взглядах А.Е. Преснякова // Исторические записки. Т. 33. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
15. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I–IV. М.: Наука, 1955–1966.
16. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. / Под ред. М.Н. Тихомирова, М.А. Алпатовой, А.Л. Сидорова. М.: Наука, 1955.
17. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II / Под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1960.
18. Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьёв. М.: Наука, 1980.
19. Черепнин Л.В. С.М. Соловьёв как историк // С.М. Соловьёв. История России с древнейших времён. Кн. I. М.: Соцэкгиз, 1959.

20. *Нечкина М.В.* История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР. Сборник статей. М.: Академия наук СССР; Институт истории АН СССР, 1965.
21. *Цамутали А.Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л.: Наука. Ленинградское отд., 1977.
22. *Сахаров А.М.* Историография истории СССР: До-советский период. М.: Высшая школа, 1978.
23. *Цимбаев Н.И.* С.М. Соловьёв и его научное наследие // С.М. Соловьёв. Избранные труды. Записки. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1983.
24. *Дмитриев С.М.* Соловьёв — человек, историк // С.М. Соловьёв. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989.
25. *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. Кн. 1–15. М.: Соцэкгиз, 1959–1966.
26. Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М.: Изд-во РУДН; Изд-во “Мосгорархив”, 2000.
27. *Цимбаев Н.И.* Сергей Соловьёв. М.: Молодая гвардия, 1990.
28. *Историки России. XVIII—начало XX века* / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Скрипторий, 1996.
29. *Юрганов А.Л.* Наследие С.М. Соловьёва как явление русской культуры // С.М. Соловьёв. Сочинения в 18 томах. Книга XX дополнительная. Работы разных лет. М.: Мысль, 1996.
30. Историография истории России до 1917 года. В 2-х томах. Т. 1 / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М.: Владос, 2003.
31. *Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX—начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М.: Наука, 2003.
32. *Рождественский С.* Памяти Сергея Михайловича Соловьёва. 5 мая 1820 г. — 4 октября 1879 г. (К столетию со дня рождения) // Дела и дни. Кн. 1. Петербург, 1920.
33. *Репина Л.П.* “Новая историческая наука” и социальная история. М.: Изд-во ЛКИ, 2009.
34. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX—XXI веков: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.
35. *Корзун В.П.* Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб.: Алетейя, 2011.
36. *Сидорова Л.А.* Проблема “отцов и детей” в историческом сообществе // История и историки: историографический ежегодник. М.: Наука, 2002.
37. *Сидорова Л.А.* Советские историки: духовный и научный облик. М.—СПб.: Центр гуманитарных инициатив; ИРИ РАН, 2017.